

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

Институт восточных рукописей

Выпускается
под руководством Отделения
историко-филологических наук

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

2₍₂₃₎

ОСЕНЬ — ЗИМА
2015

Журнал основан в 2004 году

Выходит 2 раза в год

В НОМЕРЕ:

ПУБЛИКАЦИИ

Ю.В. Болтач. Раздел «Хронология государей» сочинения
«Сохранившиеся сведения [о] Трех государствах»:
у истоков корейской истории 5

ИССЛЕДОВАНИЯ

И.С. Гуревич. О некоторых понятиях и
грамматических категориях текста на примерах
из китайских источников III–X вв. 24

Е.П. Островская. Определение термина “abhidharma”
в буддийском философском компендиуме
«Абхидхармакоша» («Энциклопедия Абхидхармы»)
Васубандху 34

З.А. Юсупова. К истории курдской лексикографии:
составление и публикация словарей 48

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

О.М. Чунакова. Новый парфянский манихейский
фрагмент 59

А.А. Базаров. Раздел Виная из коллекции буддийской
схоластической литературы «Чойра» 65

М.В. Фионин. Перевод книги Псалтирь, выполненный
А.Н. Муравьевым, из собрания ИВР РАН 74

КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ

Р.М. Булгаков, М.Н. Фархитов. Археографическая
экспедиция АН СССР 1934 г. и письмо муфтия
Ризаэддина бин Фахреддина 79

Т.В. Ермакова. Буддийская коллекция Индийского
фонда ИВР РАН как источниковый ресурс исследований
истории и культуры Южной и Юго-Восточной Азии 86

<i>В.П. Зайцев, А.А. Сизова.</i> Икона с изображением китайского буддийского пантеона из коллекции ИВР РАН	96
<i>К.Г. Маранджян.</i> Личная библиотека буддолога О.О. Розенберга	116
<i>Е.В. Танонова.</i> Востоковед Н.Д. Мионов: обычная судьба необычного человека	129
<i>В.В. Щеткин.</i> Японские рукописи и ксилографы, переданные в Азиатский музей из Императорского Русского географического общества в 1906 г.	157
<i>С.И. Марахонова.</i> Переписка японоведа Сергея Елисеева с Семинарием/Институтом им. Н.П. Кондакова в Праге в 1930–1932 гг. (по материалам архива Института истории искусств Академии наук Чешской Республики)	168

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>М.В. Фионин.</i> Научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Клавдии Борисовны Старковой (Санкт-Петербург, 18 марта 2015 г.)	187
<i>В.П. Зайцев, А.А. Сизова.</i> Рабочее совещание Международного дуньхуанского проекта (IDP) 2015 (Турция, Стамбул, 24–25 апреля 2015 г.)	190
<i>М.М. Юнусов.</i> Международная научная конференция памяти Т.Л. Гуриной «Евреи Европы и Ближнего Востока: история, языки, традиция, культура, экономика» (Санкт-Петербург, 26 апреля 2015 г.)	195
<i>О.А. Воднева.</i> Востоковедение в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). К 70-летию Великой Победы (Санкт-Петербург, 29 апреля 2015 г.)	202
<i>О.М. Чунакова.</i> Фрейманские чтения–2015 (Санкт-Петербург, 27 мая 2015 г.)	205
<i>А.А. Сизова.</i> Четвертые петербургские тибетологические чтения (Санкт-Петербург, 3 июня 2015 г.)	208
<i>О.А. Воднева.</i> Конференция «Традиции российского кавказоведения» (Санкт-Петербург, 8–9 июня 2015 г.)	211

РЕЦЕНЗИИ

Япония и Россия. Национальная идентичность сквозь призму образов / Редактор-составитель Ю.Д. Михайлова. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2014. — 255 с. (<i>К.Г. Маранджян</i>)	217
На четвертой стороне обложки: Миниатюра из коллекции ИВР РАН. Средняя Азия, XIX в., шифр X-18, л. 8а	
Земля легенд. Курдская культура глазами российских исследователей. — М., 2014. — 250 с. (<i>Ю.А. Иоаннесян</i>)	219
Над номером работали:	
<i>Якерсон С.М.</i> Оцар Сефарад — Сефардская сокровищница. Сефардская книга X–XV вв. От рукописной к печатной традиции. Учебно-методическое пособие для студентов СПбГУ, обучающихся по направлению «Востоковедение и африканистика». — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2015. — 128 с., илл. (<i>Е.О. Шухман</i>)	222
Т.А. Анিকেева А.А. Ковалев О.В. Мажидова Р.И. Котова М.С. Унке О.В. Волкова И.И. Чернышева Е.А. Пронина	
<i>Шантидева.</i> Собрание практик (Шикшасамуччая). Пер. с тибетского А. Кугявичуса; науч. и общ. ред. А. Терентьев. — М.: Фонд «Сохраним Тибет», 2014 (Наланда) — 536 с. (<i>С.Х. Шомахмадов</i>)	224
Розенберговский сборник: востоковедные исследования и материалы / Ред.-сост. <i>Т.В. Ермакова</i> . — СПб.: Издательство Александра Голода, 2014. — 524 с. (<i>Е.А. Десницкая</i>)	226
© Институт восточных рукописей РАН, 2015	

RUSSIAN ACADEMY
OF SCIENCES

The Institute of Oriental
Manuscripts

Published under the supervision
of the Historical-Philological
Department of the Russian
Academy of Sciences

WRITTEN MONUMENTS OF THE ORIENT

2₍₂₃₎

autumn – winter
2015

Founded in 2004
Issued biannually

IN THIS ISSUE:

PUBLICATIONS

Yu. V. Boltach. Chapter “Chronology of Kings” from the Korean Buddhist Historical Book “Memorabilia of the Three Kingdoms”: At the Source of Korean History 5

RESEARCH WORKS

I. S. Gurevich. Text Linguistics: Certain Concepts and Grammar Categories (Based on the Chinese Works of the 3rd to 10th Centuries) 24

E. P. Ostrovskaya. Definition of the Term *Abhidharma* in the Compendium of Buddhist Philosophy *Abhidharmakośa* by Vasubandhu 34

Z. A. Yusupova. On the History of Kurdish Lexicography: the Compilation and Publication of Dictionaries 48

HISTORY AND HISTORIOGRAPHY

O. M. Chunakova. A New Parthian Manichaean Fragment 59

A. A. Bazarov. The Collection of Buddhist scholastic literature “Chos-grwa”: section “Vinaya” (Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS) 65

M. V. Fionin. A Translation of the Book of Psalms Made by A. N. Muravyov in 1852 from the Collection of the IOM RAS 74

COLLECTIONS AND ARCHIVES

R. M. Bulgakov, M. N. Farkhshatov. The Archeographical Expedition of the USSR Academy of Sciences in 1934 and Mufti Ridaaddin bin Fakhraddin’s Letter 79

<i>T.V. Ermakova. The Buddhist Collection of the Indian Manuscript Depository of the IOM, RAS as an Informative Resource for Investigations of History and Culture of South and South-East Asia</i>	86
<i>V.P. Zaytsev, A.A. Sizova. Icon Depicting the Chinese Buddhist Pantheon from the Collection of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences</i>	96
<i>K.G. Marandjian. The Library of Buddhologist O.O. Rozenberg</i>	116
<i>E.V. Tanonova. Orientalist Nikolai D. Mironov: The Ordinary Life of an Extraordinary Person</i>	129
<i>V.V. Shchepkin. Japanese Manuscripts and Woodblock-Printed Books Transferred to Asiatic Museum from Imperial Russian Geographic Society in 1906</i>	157
<i>S.I. Marakhonova. Correspondence of the Japanologist Serge Elisseeff with the Seminarium/Institute Kondakovianum in Prague in 1930–1932 (on the documents of the Archives of the Institute of the History of Arts, Czech Republican Academy of Sciences)</i>	168
ACADEMIC LIFE	
<i>M.V. Fionin. Conference dedicated to the 100th Birth Anniversary of Klavdiia Starkova (St. Petersburg, March, 18, 2015)</i>	187
<i>V.P. Zaytsev, A.A. Sizova. International Dunhuang Project (IDP) Business Meeting 2015 (Turkey, Istanbul, April 24–25, 2015)</i>	190
<i>M.M. Yunusov. Jews of Europe and Middle East: History, Languages, Traditions, Culture and Economy. International Academic Conference Proceedings in memory of T.L. Gurina. Saint-Petersburg Institute of Jewish Studies (St. Petersburg, April 26, 2015)</i>	195
<i>O.A. Vodneva. Conference to the 70th Anniversary of the Great Victory (St. Petersburg, April, 29, 2015)</i>	202
<i>O.M. Chunakova. Seminar of Iranian Studies “Freiman Readings” (St. Petersburg, May 27, 2015)</i>	205
<i>A.A. Sizova. Forth St. Petersburg seminar of Tibetan Studies (St. Petersburg, June, 3, 2015)</i>	208
<i>O.A. Vodneva. International conference “Traditions of the Caucasus Studies in Russia” (St. Petersburg, June, 8–9, 2015)</i>	211
REVIEWS	
<i>Japan and Russia. Constructing identity — imagi(ni)ng the other. Compiling editor Yu.D. Mikhailova. — St. Petersburg: “Peterburgskoie Vostokovedeniie” Publishing house, 2014. — 255 p. (K.G. Marandjian)</i>	217
<i>Storied Land. Kurdish culture through the eyes of Russian scholars. — Moscow, 2014. — 250 p. (Y.A. Ioannesyana)</i>	219
<i>Iakerson S.M. Ozar Sepharad: Sephardic Treasury. Sephardic Books from the 10th to the 15th Century. From Manuscripts to Printed Books. Manual for the Students of Hebrew Studies. — St.Petersburg: St.Petersburg State University Faculty of Philology, 2015. — 128 p., ill. (E.O. Shoukhman)</i>	222
<i>Shantideva. Collection of practices (Śikṣāsamuccaya). Tr. from Tib. by A. Kugiavichus; ed. A.Terentiev. — Moscow: fond “Sokhranim Tibet”, 2014. — 536 p. (S.Kh. Shomakhmadov)</i>	224
<i>Collected articles in memory of O.O. Rozenberg: Oriental Researches and Records. Ed.-compiler T.V. Ermakova. — St. Petersburg: Izdatelstvo A. Goloda, 2014. — 524 p. (Ye.A. Desnitskaya)</i>	226

Япония и Россия. Национальная идентичность сквозь призму образов / Ред.-сост. Ю.Д. Михайлова. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2014. — 255 с.

Сборник, представленный девятью статьями и восемью авторами, написан в русле получившей большую популярность в западной науке проблематики национальной идентичности и «образов», возникающих в процессе самоидентификации и межкультурной коммуникации. В последние два десятилетия наблюдается огромный интерес к визуальным средствам выражения «себя» и «другого»; во многом он обусловлен, как мне кажется, современной тенденцией, когда «слово» стало уступать свои позиции визуальной репрезентации, молодое поколение более ориентировано на визуальные формы выражения и воспринимает письменный текст больше как дополнение к визуальному образу, нежели как самостоятельную форму выражения мысли. Безусловно, попытки анализировать «образы», обращаясь к такому изобразительному материалу, как карикатуры, иллюстрации, анимации, открытки, очень продуктивны для понимания смыслов, стоящих за ними и раскрывающих представления, сложившиеся в обществе и воспроизводимые средствами массовой коммуникации и искусства.

В отечественной японистике, знакомой с исследованиями, связанными с «образами» преимущественно Японии и России, к примеру, визуальные формы репрезентации, характерные для XX в., фактически остались за рамками научного рассмотрения. Блестящие работы по японской гравюре дают нам представление о культуре, быте и нравах традиционного японского общества, но мало говорят о представлении современных японцев о себе в противопоставлении к «другому».

Поэтому рецензируемый сборник является, пожалуй, первой книгой, представляющей работы исследователей, анализирующих визуальные «образы» XX — начала XXI в. Некоторые из российских авторов неплохо знакомы отечественному читателю еще по публикациям прошлых лет, некоторые авторы представлены впервые. Сборник объединил русских (преимущественно живущих и работающих в Японии), японских и немецких ученых, исследующих то, как видели себя и друг друга Россия и Япония.

Книга открывается введением редактора-составителя, в котором излагается концепция книги, дается определение понятия «репрезентация» и объясняется, как образы «другого» влияют на понимание собственной национальной идентичности. Ю.Д. Михайлова кратко останавливается на каждой статье, выделяя в ней главную идею и соединяя отдельные исследования в одно целое, подчиненное единой задаче.

Расположенные в хронологическом порядке статьи начинаются с исследования Хосияма Кёко, убедительно показывающей, что интерес к России был присущ и одному из видных деятелей школы национальных наук, Хирата Ацутанэ (1776–1843), испытывавшему весьма амбивалентные чувства по поводу северного соседа Японии — это одновременно и враг, и «добродетельная страна». В статье приводятся малоизвестные факты и материалы, что, бесспорно, заинтересует понимающего читателя. Правда, возникает вопрос о том, почему в тексте упоминается «продвижение России на юг» применительно к освоению Дальнего Востока. Конечно, с японской точки зрения это так и воспринималось, но для русского читателя необходимо было это оговорить. Впрочем, это замечание скорее адресовано переводчику, а не автору текста.

Две следующие статьи: Ю. Михайловой об отражении русско-японской войны в лубке, карикатуре и литографии и Икута Митико о смене репрезентаций «русских» в Маньчжурии, — на мой взгляд, относятся к числу наиболее интересных и важных. И хотя формально обе статьи рассказывают об «образах» русских и японцев, отраженных в изобразительных материалах, они воссоздают широкий исторический контекст и дают новые перспективы понимания тех реальных событий, благодаря которым становится понятной логика формирования «образов». И если в статье Михайловой мы новыми глазами видим и оцениваем процесс роста национализма Японии в результате военной победы в русско-японской войне, то в статье Икута Митико помимо темы смены репрезентаций «русских» в общественном сознании японцев мы узнаем подробности того, как и что происходило на территории Маньчжурии до и после японской оккупации. Мне, к примеру, показалась довольно неожиданной мысль о том, что в Харбине царила жизнь «дореволюционной России», весьма развращающе действовавшая на присланных туда советских служащих, которых приходилось часто менять (с. 72).

К числу несомненных удач относится публикация А. Реннера о восприятии атомной бомбардировки Хиросимы в СССР. Казалось бы очевидная, тема на деле обернулась серьезным анализом советских официальных документов и прессы, показывающим всю подоплеку «замалчивания» реального масштаба последствий ядерного удара, позднее сменившегося акцентом на использовании «атома в мирных целях» в противоположность США, испытавшим бомбу в ходе войны с Японией. Написанная с позиций не столько япониста, сколько западного русиста, эта статья знакомит отечественного читателя с малоизвестными фактами недавней истории, поданными в отличном от официальной советской пропаганды ключе.

Посвященная совместным русско-японским кинопроектам, статья И. Мельниковой, безусловно, точна в выборе объекта исследования — ко-продукции; как правило, прекрасные примеры взаимодействия «представлений» и «образов» друг друга, реализуемых в процессе создания кинофильма уже на уровне написания киносценария. Именно потому что эти заданные «образы» весьма далеки от реальности, совместные постановки отлича-

ются определенной ангажированностью и малой достоверностью, причем для зрителей обеих стран. Однако мне показалось, что при подробном разборе совместных фильмов, мало выдающихся в художественном плане, исследователь наделяет слишком большим смыслом многие сюжетные ходы. Думается, что музыка в качестве сближающей темы была выбрана не как символ партнерства и «гармонии», а как наиболее нейтральная тема, удаленная от политической плоскости.

Различия между японской и западной карикатурой на материале распада СССР и прихода к власти Б. Ельцина осмысляются в работе С. Толстогузова. Недавние события, рассмотренные сквозь призму газетных иллюстраций, очень ясно выявляют специфику японского и западного подходов, нацеленных на восприятие конкретных фактов (японский подход) и политической ситуации в целом (западный подход).

Наименее удачной статьей сборника мне представляется публикация Е. Штейнера, которую составитель книги охарактеризовала как «увлекательную и ироничную». По-моему, этот текст выбивается из общего ряда не только жанрово (его можно определить как «эссеистические рассуждения япониста о себе и не только»), но и стилистически. Проблема «образа» Японии как «фантастической альтернативы для советского интеллигента», действительно интересная и достойная осмысления, к сожалению, сводится к обличению интеллигенции, не сумевшей, по мнению автора, реализовать себя в постперестроечное время. Возможно, что такие претензии автора в чем-то и небезосновательны, но текст написан с таким ерничеством и в таком псевдоинтеллектуальном стиле, что можно предположить, что сам автор потерялся «в спиритуальных Гималаях», о которых он издевательски пишет в статье.

В статье Ю. Михайловой о теме войны в современной японской *манга* и об изображении России в популярной культуре реконструируется образ России и на его основании делается вывод, что сейчас формируются предпосылки для изменения старых стереотипов, когда СССР воспринимался как враждебная сила. Доказательством чему служит то, что появилась тенденция подачи России и русских «в комическом или развлекательном жанре» (с. 220).

И наконец, завершающее исследование Кикура Такаси также подхватывает тему перспективы изменения «образа России» в со-

временной Японии, который фокусирует свое внимание на опросах общественного мнения и анализирует их результаты. По мнению ученого, эти опросы составлены не всегда корректно, поскольку респондентам не задают вопроса о том, почему они испытывают «чувство симпатии» или «антипатии». Без понимания причин, объясняющих ответы опрашиваемых, невозможно понять логику отношения японцев к России. Для формирования адекватного отношения необходимо глубокое знание предмета, и если в Японии появится молодое поколение, которое будет лучше осведомлено о России, тогда и появится «идеальная ситуация для русско-японских отношений» (с. 242).

В целом, сборник позволяет получить представление о тех процессах, которые происходили в культурной, общественной и политической жизни Японии и России в XX — начале XXI в. Его содержание не ограничивается только исследованием «репрезентаций», а рисует широкую историческую панораму недалекого прошлого, связывающего обе страны. К числу явных достоинств сборника отнесем и то, что он легко читается, снабжен прекрасным иллюстративным материалом и рассчитан на современного читателя, не обязательно профессионально специализирующегося в японистике. Думаю, что подобная книга, написанная живым и увлекательным языком, сможет стать еще одним шагом в деле улучшения взаимопонимания между Японией и Россией.

К.Г. Маранджян

Земля легенд. Курдская культура глазами российских исследователей. — М., 2014. — 250 с., илл.

Книга представляет читателю репродукции уникальных фотографий российских путешественников, ученых, первых профессиональных фотографов конца XIX — начала XX в., сделанных в местах традиционного проживания курдов в странах Ближнего и Среднего Востока и Южного Кавказа, повествующих об истории и этнографии этого народа. Значительную их часть составляют фотографии из Архива востоковедов Института восточных рукописей РАН (бывшего Азиатского музея) — фонда выдающегося российского ираниста, курдоведа и дипломата

Владимира Федоровича Минорского (1877–1966), многие из которых, как отмечается во вступительной статье книги, были сделаны самим В.Ф. Минорским во время его дипломатической службы в Иране и Турции (1902–1917) и отражают утраченные реалии быта курдского народа в период, когда он впервые за свою долгую историю стал одним из важных участников мировой политики.

Курды — один из самых многочисленных народов иранской группы, в настоящее время географически и политически разделенный между Ираном, Ираком, Турцией и Сирией, а также небольшими группами проживающий в странах Южного Кавказа (преимущественно в Армении и Грузии) и Центральной Азии, — стал объектом систематического научного изучения в Европе с конца XVIII — начала XIX в. В это же время интерес к данному предмету появляется в России, стоявшей у истоков европейского курдоведения — науки, представлявшей собой подраздел иранистики в широком понимании этого термина, но все больше заявляющей о себе как о самостоятельной дисциплине. Немалую роль в собирании материалов по курдам и во всестороннем изучении этого народа сыграл Азиатский музей (Ин-т востоковедения АН СССР, ИВР РАН), поэтому крайне отраднo, что в основу книги, изданной при финансовой поддержке ОАО «Газпром нефть», положена коллекция из собрания Института восточных рукописей, благодаря чему к этим ценным материалам получил доступ широкий круг читателей.

Помимо обширного фотографического материала, наглядно повествующего о жизни курдов отмеченного периода, книга содержит три вступительные статьи и примечания к фотографиям. Эти статьи, как и все разделы, гармонично сочетаются и прекрасно дополняют друг друга. Их характеризуют содержательность, емкость и доходчивость. Большим достоинством книги является то обстоятельство, что ее текст в рамках единого издания представлен на четырех языках: курдском, арабском, русском и английском, — что значительно расширяет ее читательскую аудиторию, делая доступной для пользователей в разных уголках мира и на разных континентах.

В первой статье «Курдоведение — традиционное направление российской востоковедной науки» (автор И.Ф. Попова) через призму истории курдоведения в дореволюционной России, СССР и постсоветское время емко

представлена история не только данной дисциплины, но и российского востоковедения в целом и Азиатского музея (ЛЮ ИВ АН, СПбФ ИВ РАН, ИВР РАН) в частности. Такой подход к вопросу, с учетом тесной связи между многими востоковедными направлениями, является вполне обоснованным. Освещая роль военно-политического и геополитического факторов в развитии курдоведческих исследований, автор отмечает: «С тех пор, как был подписан Гюлистанский мирный договор с Ираном в 1813 г. и населявшие Карабахское ханство курды впервые стали подданными Российской империи, богатая и древняя культура курдского народа является предметом особого интереса российских исследователей. Продвижение России в глубь Закавказья и иранского Курдистана требовало детального изучения быта и социального устройства проживавших в этом регионе курдов, постепенного установления с ними доверительных и дружественных отношений. Одновременно с прикладным в России развивается фундаментальное направление в курдоведении».

Автор останавливается на роли Азиатского музея, созданного в Петербурге при Российской Императорской академии наук в 1818 г., непрерывно пополнявшиеся фонды которого стали основой серьезных научных востоковедных изысканий. Отмечаются усилия русских исследователей, путешественников, дипломатов и военных, которые формировали серьезную источниковедческую базу для исследований в области курдоведения. Автор отдельно останавливается на тех, чей вклад в эту область, а также в налаживание отношений с курдами был наиболее весомым. Так, М.Г. Волковым, хранителем музея, было опубликовано в 1826 г. описание знаменитой рукописи курдского историка Битлиси (1543–1603) «Шараф-наме» («Книга чести»), о необходимости издания которой говорил еще первый директор Азиатского музея Х.Д. Френ, а перевод на французский язык с комментариями был выполнен и опубликован в Санкт-Петербурге усилиями Ф.Б. Шармуа в 1868–1875 гг. Отмечаются особые заслуги П.И. Лерха, написавшего фундаментальный труд по курдскому языку и его диалектам («Исследования об иранских курдах и их предках северных халдеях», издан в 1856–1858 гг. в трех томах); российского консула в Эрзеруме А.Д. Жабы, внесшего существенный вклад в изучение и собиранье материалов на север-

ном диалекте курдского языка курманджи и составившего французско-русско-курдский словарь; ереванского губернатора И.Ф. Паскевича, придававшего большое значение налаживанию отношений с курдами, а также авторов появившихся в середине XIX в. работ по истории, географии и этнографии Курдистана — В. Диттеля, И.Н. Березина, Х. Абовяна, Н.В. Ханькова, Ю.С. Карцева и др.

От XIX в. автор переходит к истории курдоведения в XX в., новый этап которого связан с именами Н.Я. Марра, В.Ф. Минорского и И.А. Орбели. Первые ввели в научный оборот ценные сведения о курдах из источников на арабском, персидском и европейских языках, а последний, как справедливо отмечает автор, явился родоначальником и организатором советской школы курдоведения. Советскому периоду курдоведения также уделено в статье значительное внимание. Автор справедливо отмечает, что немалую роль в развитии этого направления в СССР сыграло создание на основе Азиатского музея в Ленинграде Института востоковедения для подготовки новых научных кадров. Задачи, стоявшие перед курдоведением в то время, были в значительной мере обусловлены и практической необходимостью — наличием в Азербайджанской ССР административного района Курдистан, преподаванием курдского языка в школе в Армении, где был открыт также Курдский педагогический техникум, издавались учебники, выходила газета для курдской общины. Роль этих факторов в подготовке курдоведческих кадров в системе реформированной Академии наук СССР обстоятельно высвечена в статье. Отмечен существенный вклад в осуществление этой задачи А.А. Фреймана, по инициативе которого в 1931 г. на лингвистическом факультете Ленинградского института истории, филологии и лингвистики открылся курдский цикл, на который стали принимать в основном курдскую молодежь, окончившую рабочий факультет при Ленинградском восточном институте.

Последующая серьезная вежа в развитии данного направления была связана с организацией Ленинградского отделения ИВ АН в 1956 г., благодаря структуре которого стало возможным, по инициативе академика И.А. Орбели (первого заведующего Отделением), создание Группы курдоведения, что само по себе явилось эпохальным событием. Как справедливо отмечает автор, «был создан первый в

истории российской и мировой науки самостоятельный научный коллектив, занимающийся комплексным изучением курдского народа». Курдоведение не только получило статус самостоятельной научной дисциплины, но и коллектив, им занимавшийся, выделился в отдельную административную единицу. С ней связаны славные достижения в изучении курдов, их культуры, языка, литературы и истории. «С тех пор и вплоть до настоящего времени результаты работы представителей ленинградской-петербургской школы классического курдоведения непрерывно выходят в свет», — говорится в статье. Отмечая особые заслуги К.К. Курдоева, возглавлявшего группу в 1961–1985 гг., автор останавливается на вкладе в курдоведение отечественных ученых — как сотрудников ЛО ИВ АН (ИВР РАН), так и других научных учреждений Ленинграда/Санкт-Петербурга и Москвы: М.Б. Руденко, О.Д. Джалилова, З.А. Юсуповой, Ж.С. Мусаэлян, Е.И. Васильевой, И.А. Смирновой, К.Р. Эйюби, Ч.Х. Бакаева, Р.Л. Цаболова, Н.А. Халфина, М.С. Лазарева, М.А. Гасратяна, О.И. Жигалиной, К.В. Вертяева, Н.З. Мосаки, С.М. Иванова.

Подытоживая сказанное, отметим, что в статье И.Ф. Поповой емко и содержательно освещены все главные вехи курдоведения в Российской империи, СССР и в постсоветской России.

Вторая статья — «Курды в трудах и архивах профессора В.Ф. Минорского» (автор З.А. Юсупова) — посвящена собственно В.Ф. Минорскому, на материалах фонда которого в значительной мере и основана данная книга. Она начинается с признания заслуг и вклада этого выдающегося дипломата и востоковеда в изучение курдов. Его роль емко определяется автором следующим образом: «Деятельность и авторитетные труды В.Ф. Минорского составили эпоху в истории российского и мирового курдоведения. Будучи продолжателем славных традиций своих предшественников-востоковедов XIX в., В.Ф. Минорский впервые обратился ко всей совокупности источников, посвященных курдскому народу, и явился основоположником курдоведения как комплексной научной дисциплины». В статье отмечается: «Помимо опубликованных более двухсот научных работ по проблематике стран Ближнего и Среднего Востока, личный архив В.Ф. Минорского включает 4385 единиц хранения на русском, западноевропей-

ских и восточных языках, содержащих научные труды, доклады, рецензии, отзывы, отчеты о командировках, многочисленные фотографии, часть которых представлена в настоящем альбоме, и обширную переписку ученого... В.Ф. Минорским написано более двадцати справочных статей для энциклопедических изданий, посвященных курдам и Курдистану». Значительное внимание уделено в статье и биографии исследователя, этапам его жизни и деятельности в качестве дипломата, профессора и востоковеда.

Умело совмещая дипломатическую службу с научной работой, В.Ф. Минорский не только собирал ценные полевые материалы, но и сам занимался обширными исследованиями по иранистике и курдской проблематике в частности. В данном вопросе его особо привлекала языковедческая, этнографическая и религиозная тематика. Результаты его поездок в Курдистан, как отмечает автор статьи, нашли отражение в серии публикаций. Им были подробно описаны губернаторство Соуджбулаг, округа Бане, Сулдуз, Ушну, Дол, представлены сведения о расселении племен, их религиозной принадлежности, социально-экономических отношениях, а также о политике Турции, Персии, России и Англии относительно курдов. Дипломатические донесения В.Ф. Минорского, отмечается в статье, содержат важные сведения о выдающихся курдских общественно-политических деятелях. Важнейшим итогом поездок В.Ф. Минорского по Курдистану, справедливо указывает автор, стала его книга «Курды. Заметки и впечатления» (Петроград, 1915), включающая разделы: 1. География и расселение курдов. 2. История курдов. 3. Религия. 4. Язык, словесность, письменность. 5. Религия. 6. Характер курдов. 7. Положение женщин. Отношение с другими народностями. Курдский вопрос. 8. Курды в России. Уже сам перечень разделов свидетельствует о широчайшем охвате тематики, представленной в данной книге. В статье особо подчеркивается, что в данном труде В.Ф. Минорский заостряет внимание на таких проблемных вопросах, как лингвистическое положение курдского языка по отношению к персидскому, ввиду того что первый рассматривался в то время некоторыми авторами не как близкородственный персидскому, но самостоятельный иранский язык, а как «разновидность» персидского. Автор статьи приводит высказывание В.Ф. Минорского по этому

поводу, что окончательно высвечивает позицию признанного ученого по данному вопросу: «Курдский язык не есть „испорченный персидский“, а вполне отдельный язык с особыми законами фонетики и особым синтаксисом...». Следует иметь в виду, что многие представляющиеся сегодня «обыденными» положения и точки зрения в иранистике не сразу утвердились в научной среде, поэтому вклад таких уникальных специалистов, как В.Ф. Минорский, в отстаивание этих положений и истин заслуживает, чтобы его по достоинству оценили. Привлечение внимания к этим обстоятельствам — безусловная заслуга автора статьи. То же относится и к сложной проблеме курдских диалектов и принадлежности всех их к единому языку. В своих работах, отмечается в статье, В.Ф. Минорский доказывает, что, «несмотря на многодиалектность, курдский язык обнаруживает большое постоянство и, без всякого сомнения, принадлежит к северо-западной группе иранских языков».

Обращаясь к этноконфессиональной ситуации применительно к курдам и к проблеме их этногенеза, отмечает автор статьи, В.Ф. Минорский в своих работах рассматривал религиозные верования курдов, включая езидизм и али-илахи, посвятив им ряд публикаций, а в вопросе этногенеза из двух теорий происхождения курдов — иранскую и не-иранскую, которая с позиции сегодняшнего дня представляется нам странной, — поддерживал первую. Значение В.Ф. Минорского для курдоведения емко определяется автором статьи следующим образом: «Многочисленные и разносторонние научные труды В.Ф. Минорского по истории, топонимике, этнографии, антропологии, языку и словесности курдов, опубликованные при жизни, стали бесценным вкладом российской науки в мировую ориенталистику. При этом некоторые материалы В.Ф. Минорского остаются вплоть до настоящего времени неизданными. Публикация данного фотоальбома в определенной мере восполняет этот пробел».

Подводя итог вышесказанному, отметим, что статья З.А. Юсуповой, безусловно, весьма содержательная, она раскрывает читателю значимость деятельности В.Ф. Минорского как курдоведа, а также суммирует его основные достижения.

Третья статья — «Курды в архивах российских фотографов» (автор Л.М. Раванди-Фадаи) — предоставляет информацию о фотогра-

фах, чьи фотографии содержатся в книге, а также кратко характеризует вклад каждого из них в коллекцию фотографических материалов по данной тематике. Достоинством этой статьи также выступает информативность и емкость. В ней представлены данные о следующих фотографах: Д. Ермакове, А. Севрюгине, А. Лорис-Калантаре, А. Алешо, Д. Никитине.

Фотографии, изданные в книге с комментариями Е.И. Васильевой, Л.М. Раванди-Фадаи, К.В. Вертяева и представляющие собой ценнейший исторический и этнографический материал, говорят сами за себя, и их описание выходит за рамки настоящей рецензии. Их отбор и подготовка к изданию явились итогом кропотливого труда Б.Д. Халатян, Л.М. Раванди-Фадаи, С.И. Иванова и С.Л. Шевельчинской. Особо отметим работу по оцифровке фотографий фонда В.Ф. Минорского, сделанную С.Л. Шевельчинской, подготовившей техническую базу для того, чтобы эта уникальная коллекция могла увидеть свет.

В качестве общего итога укажем, что данная книга, как нам представляется, полностью отвечает своей задаче: сделать достоянием широкой общественности в стране и за рубежом уникальные по своей ценности материалы. Несмотря на то что к работе над ней был привлечен большой коллектив с разнообразным составом участников, книгу отличает слаженность и взаимодополняемость ее составных частей. Учитывая доходчивость языка, на котором высокопрофессиональными специалистами излагаются востоковедные вопросы, информативность вступительных статей и комментариев к фото, книга, несомненно, приобретет широкую читательскую аудиторию и будет востребована.

Ю.А. Иоаннисян

Якерсон С.М. Оцар Сефарад — Сефардская сокровищница. Сефардская книга X–XV вв. От рукописной к печатной традиции. Учебно-методическое пособие для студентов СПбГУ, обучающихся по направлению «Востоковедение и африканистика». — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2015. — 128 с., илл.

Учебно-методическое пособие С.М. Якерсона «Оцар Сефарад — Сефардская сокровищница. Сефардская книга X–XV вв. От рукопис-

ной к печатной традиции» предназначено, как видно из полного названия, в первую очередь для студентов СПбГУ, обучающихся по направлению «Востоковедение и африканистика». Подобное сужение целевой аудитории, возможно, нуждается в небольшом пояснении: кафедра еврейской словесности существовала в Санкт-Петербургском государственном университете с момента его основания в 1855 г. В силу исторических причин она несколько раз расформировывалась, менялись названия, но изучение древнееврейского языка и культуры всегда было частью программы восточного факультета. С 1949 по 2011 г. эти дисциплины изучались на отделении семитологии при кафедре арабской филологии. При этом в первые два года обучения основной упор делался на изучение арабского языка. Следует отметить, что в учебной программе по семитологии вообще не было предусмотрено изучения рукописной традиции, ни арабской, ни еврейской, несмотря на то что именно в Санкт-Петербурге хранятся богатейшие коллекции рукописей на семитских языках. Палеография и изучение рукописной традиции ограничивались лишь кратким курсом кумранистики. Возможно, это объяснялось еще и тем, что рукописные собрания СССР, а тем более зарубежные коллекции были труднодоступны даже для ученых, не говоря о студентах и аспирантах. В XXI в. ситуация в корне переменялась. Благодаря цифровым технологиям, электронным базам данных и новым методам консервации рукописей с помощью микрофильмирования и сканирования многие мировые хранилища рукописей открыли свои фонды всем интересующимся. Изменения коснулись и восточного факультета СПбГУ. В 2011 г. отделение семитологии было преобразовано в кафедру семитологии и гебраистики, заведовать которой был избран профессор, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института восточных рукописей РАН Семен Мордухович Якерсон. В учебный план кафедры были введены новые дисциплины, такие как еврейская палеография и кодикология и еврейская средневековая книжная традиция. Овладение искусством чтения еврейских рукописей требует серьезной многоаспектной подготовки. Особенность этих памятников состоит в неразрывной связи книжной культуры с историей и традициями еврейского народа, а также с мировыми геополитическими процессами. Но

даже при наличии серьезной лингвистической и исторической подготовки чтение рукописей невозможно без практических навыков. Учебное пособие «Оцар Сефарад» является первым методическим пособием, цель которого — предоставить изучающим возможность самостоятельно проникнуть в тайну чтения еврейских сефардских рукописей и инкунабулов.

Во введении автор объясняет свой выбор именно сефардской письменной традиции как наиболее сложной для прочтения. Далее приводятся принципы описания рукописей и инкунабулов в разделе «Палеографическая хрестоматия» и методы транскрибирования текста. Хочется отметить, что научная транскрипция еврейских терминов часто представляет большую сложность для студентов, в том числе при оформлении работ в печатном виде, так как требует совершенного знания помимо грамматики и большого количества специальных знаков, не предусмотренных стандартных программах и раскладках клавиатуры. Поэтому приведенная в пособии транскрипция может сама по себе служить образцом оформления научной работы.

Глава «Исторический обзор» (с. 11–17) посвящена историческим событиям, в контексте которых зародилась и развивалась еврейская сефардская община на Пиренейском полуострове. Следующая глава, «Сефардская книжная традиция X–XV вв. От рукописи к печатной книге» (с. 18–22), дает представление о геокультурной зоне распространения сефардской письменной традиции, о языках, на которых говорили и писали представители общины, о тематике письменных памятников того времени, а также о количестве и местонахождении сохранившихся сефардских рукописей и инкунабулов X–XV вв. Главы «Палеографическая характеристика типов сефардского рукописного письма» (с. 23–30) и «Палеографическая характеристика типов шрифтов сефардских инкунабулов» (с. 31–34) содержат подробное описание основных типов сефардского письма и шрифтов инкунабулов. Для последних приведена таблица (с. 32) с детальной характеристикой шрифтов, использовавшихся в различных типографиях региона. Также большое внимание автор уделил описанию деятельности плеяды печатников семьи Сончино. Последняя глава, предваряющая палеографическую хрестоматию, «Кодикологическая характеристика сефардских рукописей и инкунабулов» (с. 35–40)

содержит множество фактических данных, которые следует учитывать при работе с рукописями, а именно: материал, на котором писалась рукопись, особенности компоновки тетрадей, оформление колофона, способы обозначения и вычисления даты, указанной в рукописи.

«Палеографическая хрестоматия» (с. 41–99) включает факсимильные изображения 14 сефардских рукописей, двух инкунабулов и рукописного документа, сохранившегося на первом чистом листе инкунабула. Рукописи и инкунабулы располагаются в хронологическом порядке с указанием типа письма. На развороте книги, на странице справа располагается факсимильное изображение памятника, на странице слева — библиографическое описание и воспроизведение текста в современном виде. Такой подход к оформлению материала наиболее удобен для самостоятельной работы. Неизбежные трудности, с которыми сталкивается изучающий рукопись в первый раз, легко преодолеваются с помощью воспроизведенного текста. По мере совершенствования навыка чтения напечатанный текст легко игнорировать. Также важно отметить, что изображения памятников приведены максимально в неизменном виде, без использования современных компьютерных технологий чистки изображения. При прекрасном качестве фотопечати изучающий видит памятник почти как он есть, со всеми лакунами, следами воздействия воды и пр. Это, конечно, усложняет задачу прочтения текста, но одновременно дает ощущение истинной работы над рукописью. Отсутствие перевода призвано стимулировать интерес студента к прочтению уже дешифрованного текста, а также дает возможность людям, не владеющим русским языком, использовать хрестоматию как учебное пособие для овладения навыками чтения сефардских рукописей и инкунабулов.

Довольно обширная библиография (с. 106–108), без сомнения, послужит списком рекомендованной по теме литературы и поможет студентам в написании реферативных и дипломных работ.

В приложениях (с. 110–115) приведены необходимые для работы с еврейскими письменными памятниками справочные таблицы. Таблица вариантов написания букв еврейского алфавита помимо трех основных видов письма (приведенных факсимильно, с увеличением, в нескольких вариантах) содержит

графу с числовым обозначением еврейских букв. Список аббревиатур, часто встречающихся в сефардских рукописях данного периода, и соответствие еврейского и современного календарей с указанием количества дней также очень облегчит работу над пониманием текста и переводом дат, указанных в памятнике. Алфавитный указатель в конце книги (с. 116–123) объединяет списки личных имен, географических названий и названий упоминаемых сочинений, что вполне удобно и оправдано в рамках небольшой хрестоматии.

Книга написана ясным академическим языком, четко структурирована и снабжена всем необходимым справочным материалом.

В заключение хотелось бы отметить важность и своевременность издания подобного учебно-методологического пособия для возрождения и дальнейшего развития гебраистики в Санкт-Петербурге и за его пределами. И, хотя книга предназначена студентам гебраистам, она наверняка будет широко востребована аспирантами, работниками рукописных отделов библиотек и музеев в России и за рубежом, а также всеми, кто стремится к изучению сефардских памятников письменной культуры.

Е.О. Шухман

Шантидева. Собрание практик (Шикшасамуччая). Пер. с тиб. А. Кугявичуса; науч. и общ. ред. А. Терентьев. — М.: Фонд «Сохраним Тибет», 2014 (Наланда). — 536 с.

Рецензируемая работа — первый перевод на русский язык одного из основных произведений выдающегося буддийского мыслителя Индии VIII в., внесшего значительный вклад в развитие махаянской школы Мадхьямика, Шантидевы — «Шикшасамуччая» («Собрание [буддийского] Учения», «Собрание [буддийских] практик»). Наравне с другим значимым произведением Шантидевы — «Бодхи-чарья-аватара» («Путь бодхисаттвы») — «Шикшасамуччая» входит в число шести основных трактатов, изучаемых в рамках классического буддийского образования, по традиции берущей начало со школы тибетского буддизма Кадам-па, основанной Атишей (X–XI вв.). «Шикшасамуччая» в сжатой конспективной

форме содержит идеи и концепции, подробно изложенные в «Бодхичарья-аватаре». Таким образом, публикация русскоязычного перевода «Шикшасамуччай» представляется весьма важным событием, поскольку знакомит читателей с сокровищницей буддийской философской мысли, оказавшей большое влияние на весьма обширный регион — от Бурятии и Калмыкии до стран Дальнего Востока.

В предисловии редактор издания справедливо указывает на недостаточную степень изученности данного памятника религиозно-философской мысли раннесредневековой Индии, несмотря на то что текст «Шикшасамуччай» был опубликован еще в конце XIX в. Автор предисловия убедительно обосновывает выбор в качестве базового источника для перевода не санскритский текст из Непала, изданный С. Бендаллом, поскольку тибетский перевод, на который часто ссылался С. Бендалл, по его же мнению, базировался на более ранней санскритской версии (с. XIII). Однако существует определенный риск потери значительного значения ключевых терминов при работе со вторичным источником, коим является тибетский перевод по сравнению с санскритским оригиналом, даже если опорный текст вторичного источника имеет более древнее происхождение, нежели доступный санскритский оригинал. Автору перевода вполне удалось решить эту проблему.

Альгирдас Кугявичус, который перевел «Шикшасамуччаю» на русский язык, — энтузиаст-интеллектуал из Литвы, переводчик буддийских письменных памятников, пополняющий свои знания в постоянном общении с известными исследователями буддизма, представителями традиционной буддийской сангхи.

«Шикшасамуччая» состоит из 27 карик, авторство которых приписывается Шантидеве, а также из обширных комментариев к каждой карике. Карики и комментарии к ним структурированы в 19 глав, где последовательно описывается практика нравственного поведения мирянина, отшельника, буддийского учителя — наставника в Дхарме. Практика, изложенная в «Шикшасамуччае», представляет собой культивирование шести парамит («запредельных совершенств»).

Парамита даяния (*дана*), которой посвящена глава I «Шикшасамуччай», предполагает щедрость не только материальную, но и духовную, интеллектуальную, подразумеваю-

щую проповедь Дхармы — буддийского Учения. О практике совершенного нравственного поведения (*шила*) повествуется в главе II трактата. Нравственное поведение подразумевает осознанное избегание совершения дурных действий в трех аспектах созревания кармического плода — на физическом, вербальном и ментальном уровне. Последующие шесть глав «Собрания практик» (гл. III–VIII) подробно описывают практику сохранения тела, речи и ума в должной нравственной чистоте, а также опасности, подстерегающие практикующего данную парамиту. Практике терпения (*кшанти*) посвящена глава IX «Шикшасамуччай». Должное культивирование *кшанти*-парамиты позволяет сохранить успехи, достигнутые на пути практики бодхисаттвы. Глава X раскрывает нюансы *вирья*-парамиты — добродетели усердия в совершенствовании на избранной стезе.

Глава XI «Жизнь в уединении», на наш взгляд, открывает логическую вторую часть «Собрания практик», посвященную изложению монашеской практики, в рамках которой только и возможны совершенное созерцание (*дхьяна*-парамита) и совершенная мудрость (*праджня*-парамита). В этом смысловом блоке рассматриваются такие вопросы, как «Очищение ума» (гл. XII), «Памятование» (гл. XIII), «Чистота тела» (гл. XIV), «Чистота имущества и заслуг» (гл. XV), «Три вида приумножения» (гл. XVI), «Полезь поклонения и прочего» (гл. XVII), «Памятование о Трех Драгоценностях» (гл. XVIII) и «Описание увеличения заслуг» (гл. XIX).

Комментарии, по сути, представляют собой цитаты из раннемахаянских сутр, оригиналы которых не сохранились до наших дней, и мы можем судить об их содержании исключительно по цитатам из «Шикшасамуччай». В силу этого сложно переоценить всю значимость и ценность данного памятника буддийской религиозно-философской литературы в целом и его перевода на русский язык в частности.

Издание русского перевода «Шикшасамуччай» сопровождается Индексом имен, а также списком раннемахаянских сутр, цитируемых в «Собрании практик», что существенно облегчает работу с текстом издания. Полагаем, что глоссарий буддийских терминов, например тибетских с санскритскими параллелями, украсил бы данную публикацию, хотя, воз-

можно, авторы издания не ставили перед собой такой цели. Ссылочный аппарат издания содержит ценные пояснения к буддийским терминам и концепциям, даны критические замечания относительно издания буддийских текстов.

Хороший литературный язык, ритмизованность стихотворных фрагментов текста существенно облегчают знакомство с произведением Шантидевы. Поэтому можно только поприветствовать публикацию столь удачного первого русского перевода значимого трактата буддийской религиозно-философской мысли.

С.Х. Шахмадов

Розенберговский сборник: востоковедные исследования и материалы / Ред.-сост. Т.В. Ермакова. — СПб.: Издательство А. Голода, 2014. — 524 с.

Рецензируемое издание имело целью, как отмечено во Введении, показать промежуточные итоги и результаты текущих исследований, апробированных в рамках Всероссийских востоковедных чтений памяти О.О. Розенберга в 2012 и 2013 гг. (с. 10). Отметим, что вокруг Чтений, инициированных в 2007 г. В.И. Рудым (1940–2009) — крупнейшим российским индологом-санскритологом, буддологом, к настоящему времени успел сплотиться коллектив исследователей, преимущественно работающих с письменными памятниками Востока. Это обусловило возможность сформировать авторский коллектив сборника таким образом, чтобы помещенные в нем статьи и по объему, и по содержанию вышли за рамки жанра «тезисы доклада на конференции». В связи с этим отмечаем работу к.филос.н., с.н.с. сектора Южной Азии Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН Т.В. Ермаковой — редактора-составителя и автора Введения (с. 10–21) — по структурированию разделов сборника. В соответствии с тематиками проблемного поля, разрабатываемого в современном отечественном востоковедении, статьи сборника распределены по четырем разделам: «Буддологические исследования», «Традиционные идеологии Востока», «Дискурс о Востоке и востоковедах: персоналии, подходы, проблематика» и «История востоковедения».

Значимость изучения буддизма и вообще культур Востока для отечественной культуры со всей очевидностью понимал один из основателей петербургской школы классического востоковедения — Сергей Федорович Ольденбург (1863–1934), науковедческий подход которого анализируется в статье завсектором Южной Азии Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН, д.филос.н., проф. Е.П. Островской «С.Ф. Ольденбург — организатор и методолог отечественной буддологической школы». Как убедительно продемонстрировано в статье, особое влияние на становление взглядов будущего основателя петербургской школы востоковедения оказал крупный филолог-арабист барон В.Р. Розен, разработавший оригинальную программу развития российского востоковедения с учетом геополитического положения России в мире. Он понимал, что Россия как страна, тесно контактирующая как со странами Европы, так и с Востоком, должна очень ясно представлять себе экономические, политические, культурные особенности стран Азии, с которыми она в силу своего географического положения взаимодействует, и эта идея стала одной из основополагающих и во взглядах С.Ф. Ольденбурга. Сформированный им научный коллектив стал ядром отечественного востоковедения, и существенным моментом его методологии была опора в первую очередь на источники. Искать сходства между восточными культурами и западной, безусловно, необходимо, но такого рода исследования не могут базироваться на априорных представлениях о культурах Востока. Именно источниковедение, по мысли Ольденбурга, составляет суть науки о Востоке.

Неоспорима исключительная роль буддизма в истории культуры Азии, и анализ его развития и взаимодействия с брахманизмом и индуизмом в Индии, даосизмом и конфуцианством в странах Дальнего Востока необходим для понимания движущих механизмов истории этих регионов и перспектив их дальнейшего культурного развития. Комментированный перевод «Писем Высокомудрого Рэннэ», выполненный с.н.с. Отдела Дальнего Востока ИВР РАН, к.и.н. В.Ю. Климовым, по праву занимает значительный объем буддологического раздела сборника. Письма Рэннэ (1415–1499) — это важный источник по истории школы «Истинной Веры Чистой Земли» и вообще по истории Японии XV в., и впервые

предпринятый В.Ю. Климовым комментированный перевод их на русский язык можно уверенно назвать серьезным достижением отечественной востоковедной науки. В этих письмах содержатся цитаты из буддийских сочинений, трудов китайских мыслителей, атрибуированные В.Ю. Климовым, и «за кажущейся внешней простотой посланий скрывается в концентрированном виде информация из многих не только буддийских, но и светских сочинений. Это позволяет говорить о значимости рассматриваемого письменного памятника при изучении средневековой истории Японии второй половины XV в.» (с. 41–42). В обширном комментарии исчерпывающе проинтерпретированы реалии культурной жизни Японии того периода, основные концептуальные положения японского буддизма, поэтому перевод «Писем...» дает всестороннее представление о японском буддизме XV в. в социокультурном контексте.

Процесс взаимодействия буддийской и традиционной китайской философской и религиозной мысли представлен в двух статьях П.Д. Ленкова, к.и.н., доцента кафедры религиоведения факультета социальных наук Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. В статье «О буддийском влиянии на даосскую мысль в позднесредневековом Китае: концепция „двух видов препятствий“ в тексте „Лун мэнь синь фа“» на основе даосского письменного памятника автор решает важнейшую источниковедческую проблему — терминологическое соотнесение при выражении смысла термина средствами иной традиции. Новаторский подход П.Д. Ленков применил в статье «Традиционные буддийские и даосские психофизические практики в Китае: перспективы антропологического подхода». Автор обосновал, что китайские психофизические практики генетически связаны с ритуалом (с. 132), и это обуславливает их определенную специфику. Их взаимодействие с буддийскими практиками, ориентированными преимущественно на изменение состояния сознания человека, сформировало особый тип практик, в которых основную роль играли все-таки даосские идеи и представления (с. 136). В работах П.Д. Ленкова буддизм и даосизм предстают как интенсивно взаимодействующие идеологические системы, влияющие друг на друга и сами изменяющиеся под воздействием культурной среды.

Важную проблему влияния буддийской литературы на исторические срезы китайского языка подняла к.ф.н., с.н.с. отдела Дальнего Востока ИВР РАН И.С. Гуревич в статье «Роль письменных буддийских источников для исследований в области исторической грамматики» и убедительно доказала, что буддийские тексты в значительной степени отразили разговорный язык соответствующей эпохи.

В этой части сборника представлены также различные формы бытования буддийской идеологии в самом широком смысле слова в странах Востока: влияние буддизма на социальную практику и мировоззрение в средневековой Японии, буддийская иконография (Е.А. Кий. «Основные источники для изучения редкой иконографической формы Манджушри»), особенности полемики буддизма с другими религиозными течениями (А.В. Зорин. «Антишиваитские мотивы в апологетических буддийских гимнах»), специфика «сакрального ландшафта» в буддизме (статья Е.Ю. Харьковской) и иные аспекты буддийской культуры. Буддизм предстает здесь как многоаспектное культурное и социальное явление, существующее и развивающееся во взаимодействии с культурами Дальнего Востока и Центральной Азии, влияющее на социальную жизнь этих регионов и во многом определившее их культурный облик.

Во второй части сборника — «Традиционные идеологии Востока» — размещены статьи, в которых исследуются мировоззренческие аспекты культур стран Востока, и очевидно, что без понимания религиозных практик, философских систем, способов передачи знания (педагогика), принципов написания исторических текстов многие источники не могут быть адекватно поняты. Этот раздел сборника открывают две статьи ведущего научного сотрудника сектора Южной Азии ИВР РАН, д.филос.н. С.Л. Бурмистрова. Статья «Структура аргументации в первой части *Upadeśa-sāhasī* Шанкары» посвящена анализу принципов индийской традиционной педагогики, как она представлена в трудах основоположника монистической веданты Шанкары (788–820). Автор убедительно показал, что целью написания Шанкарой трактата *Upadeśa-sāhasī* («Тысяча наставлений») было формулирование принципов, по которым строилось обучение адептов, и первое, что отмечает здесь автор, — это религиозные цели этого обуче-

ния: сам трактат предназначен для тех, кто устремлен к освобождению из пут сансары и верит в истины, провозглашенные в индуистских священных текстах (с. 183). Трактат «Тысяча наставлений», как показано в статье, важен тем, что в нем принципы индийской педагогики отражены в связи с индуистской религиозной практикой и базовыми положениями монистической веданты. Подчеркнем, что до сих пор он не переводился на русский язык и С.Л. Бурмистров фактически ввел этот важный источник в научный оборот.

В другой статье того же автора — «Религиозное сознание и понятие границы в философии Рамануджи и Мадхвы» — анализируются религиозно-философские учения вишиштадвайта- и двайта-веданты. Как видно уже из названия статьи, основной проблемой в этих системах выступает понятие границы между Брахманом и сотворенным им миром. С.Л. Бурмистров показал, что в вишиштадвайта-веданте эта граница относительна и проницаема: все сущее есть лишь тело Брахмана, а индивидуальные души соотносятся с ним как искры с костром, из которого они летят. Если в монистической веданте между Брахманом и индивидуальным «я» нет вообще никаких различий и освобождение состоит только в том, чтобы осознать это, то в вишиштадвайта-веданте различие все же есть, но оно может быть преодолено религиозной практикой *бхакти* — экстаической любви к богу. В дуалистической же веданте Мадхвы, как аргументировал С.Л. Бурмистров, весь мир разделен границами на отдельные онтологические регионы.

Индуистская религиозно-философская проблематика освещается и в переведенной к.ф.н., с.н.с. сектора Южной Азии ИВР РАН В.П. Ивановым «Шаттримшататтва-сандохе» Амритананды с комментарием «Виварана» Раджакарананды. Тематика этих текстов — понятие бытия в традиции индуистской тантры. Бытие в шиваитском монистическом тантризме рассматривается сквозь призму учения о 36 онтогносеологических принципах (*tatva*) — планах бытия, творимых активностью высшего вселенского начала (с. 222). В этой работе отражены особенности философии шиваитской тантры, не исследованные в отечественном востоковедении. Отметим, что перевод на русский язык этого трактата, отражающего ряд принципиальных положений шиваитской тантры, впервые публикуется в составе рецензируемого издания.

Особенностям развития понятийно-терминологического аппарата буддийской религиозной философии посвящена статья к.и.н., с.н.с. сектора Южной Азии ИВР РАН С.Х. Шомахмадова «Эпитет Аджита („Непобедимый“) в индийской религиозной традиции». В статье продемонстрирована эволюция термина: в ведийских текстах эпитет *ajita* часто встречается как один из эпитетов богов и характеризует их исключительные воинские качества (с. 241–242), у джайнов *Ajita* — имя одного из тиртханкаров (с. 242), в буддийской канонической литературе это эпитет грядущего будды — Майтрейи (с. 244), так что этот эпитет оказывается одним из важнейших в индийской литературной и религиозно-философской традиции.

Наряду с проблематикой индуизма и индийского буддизма в этом разделе внимание уделено и традиционным идеологиям Дальнего Востока. Результаты текущих исследований представили московские востоковеды. Мирозрению, отраженному в древнекитайском памятнике «Вёсны и осени господина Люя», посвящена статья к.и.н., завкафедрой китайской филологии ИСАА МГУ М.Ю. Ульянова «Структура „комментирующего комплекса“ Чуньцю Цзочжуань („Комментарий Цзо к Чуньцю“): соотношение „исторического“ и „каноноведческого“». В этом памятнике отражены особенности древнекитайской историографии, и автор применил оригинальные методики, позволившие установить, что в нем выделяются устойчивые, постоянно повторяющиеся элементы структуры, которые М.Ю. Ульянов называет «структурно-жанровыми группами» (упоминание событий, описание событий и т.д.) (с. 252–254).

В статье м.н.с. Института востоковедения РАН Г.С. Поповой «Шуцзин („Канон [исторических] документов“) в I тыс. до н.э.: запись, передача и канонизация» убедительно продемонстрирована устойчивость содержания этого памятника в ходе идеологической истории Китая, в том числе в процессе складывания состава конфуцианского канона.

М.С. Целуйко, преподаватель Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», в статье «„Пояснительные сочинения“ как жанр памятников общественной мысли периода Чжаньго (453–221 гг. до н.э.)» поднял существенную проблему соотношения датировки письменных источников и эпиграфики.

Китайской культуре посвящена и статья к.филос.н., доцента кафедры философии и социологии СПбГИКИ А.С. Рысакова «Ритуал совершенности согласно каноническому тексту И ли „Церемонии и ритуалы“». «Ритуалцентричность — фундаментальная черта традиционной китайской культуры» (с. 297), однако то же самое можно сказать и, например, о культуре индийской, так что исследование китайского ритуала совершенности может иметь значение и для индологии, что позволяет провести сравнительный анализ названного ритуала и его аналогов в социальных практиках древней и средневековой Индии, выявив тем самым как различия, так и, возможно, очень существенные сходства.

Методологические основы исследования мировых религий рассматриваются в статье Е.А. Островской и А.Ф. Горбачевой «Ислам как традиционная религиозная идеология», в которой применена разработанная д.соц.н., проф. кафедры теории и истории социологии факультета социологии СПбГУ Е.А. Островской теория институционализации традиционных религиозных идеологий. На этой основе была рассмотрена исламская картина мира и ее ключевые компоненты — категория «деятельность» и система ее ценностно-нормативного регулирования. Проблематика, рассмотренная в статье, существенно важна в современных условиях усиления исламского фактора в мировой политике.

Проблемы выстраивания отношений России и Китая в контексте глобальных трансформаций обозначены в аналитической разработке Е.А. Островской «Россия и Китай в Центральной Азии: в поисках консенсуса». Весьма убедительным представляется вывод автора о необходимости учитывать экстра-территориальные факторы для восстановления реальной картины двустороннего политического взаимодействия.

Современным концепциям образования — важнейшей реалии культуры конфуцианского региона — посвящена статья к.соц.н., доцента кафедры теории общественного развития стран Азии и Африки Восточного ф-та СПбГУ П.И. Рысаковой «Глобальное и локальное в восточноазиатской социологии образования». Автор подняла актуальную проблему оптимального соотношения глобализированного социального знания и теоретических достижений локальных — неевропейских в данном случае — научных традиций.

Статьи этого раздела, таким образом, дают целостную картину философских и религиозных аспектов культур Востока, базирующуюся на богатом источниковом материале и позволяющую оценить взаимодействие религиозных, мировоззренческих, политических и социальных факторов в формировании облика культур Индии, Китая и Ближнего Востока.

Очевидно, что без понимания исторического процесса формирования мирового и отечественного востоковедения невозможно объективно оценить вклад тех или иных ученых в развитие дискурса о Востоке. История востоковедения, безусловно, часть востоковедной науки *per se*, и изучение наследия не только ученых-востоковедов, но и путешественников прошлого, оставивших нам сведения об обычаях, верованиях и языках стран Востока, дает богатый материал для понимания и прошлого востоковедения, и его современного состояния, а значит, и для прогнозирования путей его дальнейшего развития. Статьи третьего и четвертого разделов позволяют увидеть эволюцию востоковедения — начиная с путевых записок путешественников эпохи Возрождения (Никколо Конти, о котором пишет в своих статьях Д.В. Возчиков) и до ученых XX в. (статья С.Д. Серебряного). Оригинальность публикации д.ф.н., директора Института высших гуманитарных исследований РГГУ С.Д. Серебряного «О.О. Розенберг и судьбы российских японистов его поколения» состоит в применении биографического метода и рассмотрении профессиональных биографий востоковедов-японистов в социально-политическом контексте их деятельности. Таким образом, востоковедение, по мысли автора, представляет собой сферу науки, неразрывно связанную с общественными факторами эпохи.

Эту линию в сборнике поддерживает и статья А.С. Колесникова и Ю.Н. Стрижка «Проблемы власти и политики в воззрениях кн. Э.Э. Ухтомского». Оригинальна источниковая база статьи: авторы привлекли газетные публикации Э.Э. Ухтомского 1900-х годов, отчетливо характеризующие его взгляды как протоевразийские.

Значительное внимание в сборнике уделено введению в научный оборот архивных материалов из Архива востоковедов ИВР РАН, что представляет собой реализацию конкретных результатов по одному из принципиаль-

ных направлений научной работы ИВР РАН. А.В. Зорин, к.ф.н., с.н.с. Отдела рукописей и документов ИВР РАН, предпринял архивный поиск документов по деятельности М.И. Тубянского в связи с Тибетским фондом ИВР РАН и отразил итоги в публикации «М.И. Тубянский и Тибетский фонд Азиатского музея — Института востоковедения АН СССР». Личная переписка М.И. Тубянского из Архива востоковедов ИВР РАН опубликована к.филос.н. М.Н. Кожевниковой. Документы из фонда И.П. Минаева из Архива востоковедов опубликованы Т.В. Ермаковой.

История востоковедения была бы, естественно, неполна без исследования истории формирования рукописных коллекций, на материале которых в значительной мере и работают востоковеды.

Статья крупного палеографа М.И. Воробьевой-Десятковской «Языки и типы письма как аспект изучения буддийской коллекции и Индийского фонда ИВР РАН» посвящена аналитическому описанию языков, типов письма и способов оформления буддийских рукописей, сложившихся в рамках истории индийской рукописной культуры. На материале буддийской части Индийского фонда ИВР РАН продемонстрирована органическая связь буддийского письменного наследия с предшествующими этапами развития искусства индийской рукописной книги.

Истории формирования буддийской части Индийского фонда ИВР РАН посвящена обстоятельная статья Е.П. Островской «Буддийское рукописное историко-документальное наследие Северной и Северо-Западной Индии в составе Индийского фонда ИВР РАН». Ис-

следование истории формирования рукописных коллекций ИВР РАН — одно из актуальных направлений современного российского востоковедения, поскольку оно не только дает возможность рассмотреть общий ход развития отечественного востоковедения в аспекте изучения письменного наследия стран Востока, но и позволяет оценить их значение для дальнейших востоковедных исследований. В самом деле, без опоры на источники, как было сказано выше, невозможна никакая работа историка, и понимание масштабов рукописных коллекций ИВР РАН, охватываемого ими географического ареала, языков, на которых они составлены, материала, использованного для написания этих рукописей, и других их особенностей может помочь исследователю определить наименее изученные аспекты письменного наследия стран Востока и оценить наиболее перспективные направления научной работы.

В целом рецензируемый сборник дает подробную и всестороннюю картину проблематики современного отечественного востоковедения. В нем имеются и оригинальные исследования, и публикации документов, и комментированные переводы письменных памятников; единственное, что следовало бы отметить в качестве недостатка, — это то, что статьи и материалы по истории востоковедения распределены по двум разделам. Впрочем, это несколько не снижает достоинства рассматриваемой книги, которая будет полезна не только профессиональным востоковедам, но и, думается, каждому, кто интересуется историей и культурой стран Востока.

Е.А. Десницкая